

Нина Бархат
Марина Багирова

ПРИСВОЕННАЯ

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б26

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Вероники Акулич

Бархат Н., Багирова М.

Б26 Присвоенная / Нина Бархат, Марина Багирова. -
Москва : Издательство АСТ, 2016. - 384 с. - (Дру-
гие Миры).

ISBN 978-5-17-091731-0

Неуязвимый, всемогущий, завораживающе прекрасный хищник... Может ли он разглядеть в жертве равного себе? Способен ли он на любовь? И если да... то будет ли она человеческой?

У Дианы странное детство – своей уважаемой и весьма обеспеченной семье она не нужна. Главное, что требуется от нее – молчать. Ни единого слова о ее особенном госте, пугающем, нечеловечески-холодном, навещающем ее дважды в год. Он – ее грязный секрет. Ее мучитель. И, как предстоит Диане вскоре узнать, хозяин самой ее судьбы...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-091731-0

© Н. Бархат, М. Багирова, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2016

Часть первая

Он был в моей жизни всегда. Пытаясь найти первое воспоминание о нем, я поражаюсь невозможному: вот я, бессловесная кроха, в просторе своей колыбели. Той единственной, которая может утешить одним звуком голоса, — рядом нет. Вместо нее надо мной навис некто огромный, закрывающий собой мир. Все, что он делает, — смотрит на меня. Просто смотрит, неподвижный. Но хотя я еще ничего не понимаю, мне страшно...

С самых ранних дней страх стал моим главным чувством.

Будто для малыша недостаточно вокруг ужасного, глупые родители пугают его ведьмами, дядьками, злодеями — в зависимости от своей убогой фантазии. Мой страх был реален. И стоило мне услышать его имя — Кристоф, как я начинала плакать... Но очень скоро, убедившись, что до моих слез никому нет дела, я перестала выпускать их наружу, собирая бездонное озеро внутри.

В нашем богатом доме было все, что нужно для счастливого детства. Комната, в которой я жила, — огромная, светлая, полная очаровательной мебели и игрушек — могла бы послужить образцом девичьей мечты. Красивая и дорогая одежда воспринималась мной как норма. За порядком в доме следила многочисленная прислуга, тихая, профессионально незаметная. Штат поваров без усталости изобретал новые блюда ежедневно...

Но на этом мое счастье обрывалось. Семье я была не нужна.

Отец, познавший власть и деньги в полной мере, был надменным, суровым человеком. Давление его непростого характера испытывал на себе каждый человек в доме, за исключением разве что горячо любимой жены.

Но стоило ему увидеть меня — и его настигал неконтролируемый приступ раздражения!

Если же я пыталась обратиться к нему, разговор неизменно заканчивался криком.

Мама, такая нежная и ласковая с другими, — даже со слугами! — сторонилась меня, словно прокаженной. Ровный, безразличный тон, с которым она обращалась ко мне в случаях, когда того невозможно было избежать, сводил с ума. А ее объятия так и остались недосягаемой детской мечтой.

В веселых играх сестры Наташи и брата Павла с их любимым дядей я никогда не участвовала — меня не замечали. И только к Лидии, своей тете, я испытывала что-то похожее на признательность за ее улыбку и теплый взгляд...

Казалось, все меня ненавидят. И я не могла понять: за что?!

Кристоф приходил в наш дом два раза в год и был незрим для окружающих. Без единого слова он властно открывал дверь и шел, сопровождаемый волной ужаса, бегущей от него, подобно цунами: потупленные взгляды, замирающие разговоры, шарахающаяся во все стороны прислуга — и тишина... Мертвая тишина.

Только Павел с Наташей иногда проявляли чудеса смелости и пробовали с ним заговорить. За эту провинность, единственную, их наказывали почти так же сильно, как меня за любую оплошность.

Он направлялся в мою комнату, и я покорно следовала за ним. Всегда. Было в Кристофе что-то удерживающее от необдуманных поступков, таких как побег... или нож в спину. Даже ребенком я чувствовала: это — неизбежно! Никто и ничто не поможет. Мне все равно придется остаться с ним наедине.

Потом он закрывал дверь, поворачивался ко мне, подходил вплотную. И его взгляд резко менялся.

Я боялась этого момента больше всего! Было такое чувство, будто он рукой хватал меня за горло, вытряхи-

вая последние крохи сопротивления. Под его бесконечным взглядом само время переставало существовать. И я летела, летела в бездонную пропасть... И никогда не могла достичь дна, чтобы разбиться, наконец, о его черный гранит и получить избавление от моего мучителя... Но тут меня проглатывала темнота — почти приятно. Я лишь боялась, что однажды останусь в ней навсегда.

Когда я просыпалась, его уже не было рядом.

На шее или руке я иногда находила маленькие темные точки, которые потом тщательно, с непонятным для самой себя стыдом маскировала. Едва заметные, будто след от укула, они слегка беспокоили при нажатии, но не более того. А вот голова просто разрывалась от боли, надолго укладывая меня в постель!.. Обычно мне требовалось несколько дней, чтобы окончательно прийти в себя после этих «визитов».

Все попытки пожаловаться родителям на боль, которую причинял мне Кристоф, наталкивались на глухую стену. В назидание, чтобы больше не тревожила запретную тему, меня оставляли в закрытой комнате, и спустя долгое время, обессиленная беззвучным плачем, я засыпала, усвоив еще один урок неизбежности.

Но, к сожалению, и это было не все.

Полгода ожидая с замиранием сердца приближения черного дня, я тем не менее и в течение всего этого времени ощущала чужое присутствие.

Сначала, познакомившись со страшными сказками, я принимала его за призрака — невидимого и всемогущего, следящего за каждым моим шагом. Позже, с течением лет, когда реальность стала терять мистические черты, приписываемые ей детством, я просто считала это игрой больного воображения, уже тогда прекрасно понимая, что здоровым оно у меня быть не может...

Иногда, в очередной раз покорно следуя за Кристофом, я пыталась найти смелость, чтобы заговорить. Мне хотелось узнать, что он делает со мной, парящей в темноте забвения. И больно ли это. Мне хотелось объяснить, как сильно я его боюсь, рассказать о ночных кошмарах, в которых главным — и единственным —

действующим лицом всегда был он. Мне хотелось хоть как-то пробиться к нему! Вот только я не знала зачем...

Но стоило увидеть его нечеловечески-холодное выражение лица и взгляд, проникавший гораздо глубже, чем возможно было выдержать, — и от моей решимости не оставалось и следа.

И я снова шла за ним — обреченно...

Да, у меня было очень странное детство.

* * *

В день пятинадцатилетия мне устроили торжество, чего никогда не делали раньше. Вместо того чтобы задаться вопросом, что же изменилось, почему вдруг мои безразличные родители решили проявить заботу, я, юная и наивная, искренне обрадовалась известию. Кипя от возбуждения, я сновала из комнаты в комнату, наблюдая за приготовлениями.

Это был праздник — такое малоизвестное мне слово и еще менее известное состояние. Я пригласила всех, кого только хотела, и даже тех, кого приглашать не следовало: друзей, подруг, знакомых и почти незнакомых, завистников, соперниц, сплетниц... Всех!

К вечеру дом был полон. А мои родители с братом и сестрой уехали. Если это и шокировало гостей, то я, привычная к равнодушию, как демонстративному, так и незаметно-повседневному, только зло ухмыльнулась: к этому времени я уже знала, что такое ненависть. «Ничто не испортит мой день рождения, ничто!» — поклялась я себе.

И было здорово!

Мы веселились как могли. Орала песни, соревнуясь, кто громче; танцевали в комнатах, на балконах, на столах. Открыв все окна, впускали душную ночь разделить наш праздник... Как истинные медвежатники, мы взломали хитрый замок бара и добавили еще несколько градусов веселью. Из пустых бутылок вышли отличные кегли — в ход шло все!

Прислуга ворчала под нос что-то про распущенную золотую молодежь, но порой мелькала и добродушная улыбка. Я была по-настоящему счастлива!.. Впервые.

И — как можно было бы догадаться — приехал он.

Друзья недоумевали, почему я стала такой бледной, — ведь никто из них не слышал звука подъехавшей машины. Я же прислушивалась к нему всегда, с раннего детства.

Меня успокаивали и спрашивали о чем-то, но это было так неважно, так ненужно...

Я шептала себе с горькой иронией, нетрезво покачивая головой в изумлении: «Забыла... Впервые в своей жизни забыла!»

Он вошел в дом, чеканя шаг, почти торжественно, не удивляясь ни своре малолеток, ни моему лицу, лишенному красок.

— Кристоф... умоляю вас... только не сегодня! — Я застыла, пораженная собственной смелостью. Неужели я заговорила с ним — со своим кошмаром?

Но он смотрел на меня так же равнодушно, как и на других участников праздника... И молчал.

Секунды складывались в минуты, ничто не указывало на то, что он вообще слышал мои слова. Я уже видела безразличный отказ в его глазах. И то ли алкоголь сломил мое хрупкое самообладание, то ли боль всех этих лет легла на плечи невыносимым грузом — во мне проснулась жалость к себе, ничтожнейшее из чувств.

Забыв обо всем и всех, маленькая пятнадцатилетняя девочка ударилась в истерику — мое бездонное озеро слез перелилось...

Я умоляла его прийти на следующий день — не портить мне долгожданный праздник, первый, единственный праздник в моей жизни! Я горько плакала и унижалась, почти падая к его ногам! Я умоляла его уйти не только сегодня — я умоляла его не приходить никогда, оставить мою и без того несладкую жизнь в покое!

Но взгляд его был непроницаем.

И тут, впервые, мой страх дал трещину. Я впадала в неистовство! Ярость огненной пеленой покрыла

все вокруг. Что-то падало, разбивалось, мелкие осколки осыпали мое лицо, что-то лилось на пол, на мое прекрасное платье... Я бессвязно кричала, проклинала — и снова умоляла. Молила...

Но наконец, убедившись, что в его холодных глазах так и не мелькнула жалость, я замолчала. И, наверное, впервые за все годы услышала его голос четко и ясно, не пребывая в дурмане от непонятных чар или собственной слабости.

— Это невозможно.

Вот так просто и мгновенно он сломал во мне остатки детства.

И я покорно пошла следом за ним, ничего не объясняя друзьям, ошеломленно наблюдавшим за этой сценой, краем сознания надеясь, что они спишут мое поведение на избыток алкоголя в крови.

* * *

Я проснулась поздно утром.

Странно, был понедельник, но никто и не заикнулся, что мне надо в лицей. Обойдя дом, я не нашла никого из родных, и даже прислуги нигде не было видно. Стояла необыкновенная тишина...

Тихо было и у меня в душе.

Казалось, вчерашние события должны были оставить повод для бесконечных слез, но все, что я ощущала, — неслышанный покой. Какой то искусственный покой, как онемение после наркоза... После ампутации.

Да, именно это случилось вчера. Мне всего лишь удалили остатки наивных детских заблуждений, что можно что-то изменить. Что если очень попросить, заплакать, то он уступит... Пожалеет меня.

Теперь я знала: это невозможно.

Целый день я провела наедине с собой, не ощущая времени. Казалось, прошел лишь миг, а над землей уже

сгустились шоколадные сумерки. Почти восемь часов улетели в никуда...

Я очнулась от прикосновения.

— Диана, проснись, у тебя гости.

Скользнув мутным взглядом по толпе, окружавшей постель, я в первый момент обомлела. Но после некоторых усилий все же сообразила: подруг всего четверо... И сумела им улыбнуться — мой несомненный талант.

— Проснулась, соня!

— Вчера ты так рано ушла... давай делись с подругами!

После целого дня тишины громкие звуки почти оглушили меня.

— Ч-что? — Я заторможенно смотрела на подруг из своего далекого пугающего мира и не могла понять, что им от меня нужно.

Не замечая моего состояния, перебивая друг друга, вчерашние гости тут же ринулись на меня с вопросами:

— Кто он? Откуда знаешь? Почему скрывала от нас?

Их резкие голоса выдавали возбужденное любопытство, а глаза светились завистью.

Внутри меня все содрогнулось: «Дуры! Он смертельно опасен! Как можно не видеть этого?!»

— Боялась, что уведете, — я улыбнулась и с трудом села — кружилась и болела голова. Снова улыбнулась.

— И не зря! — настырно вмешалась одна из них, романтично закатывая глаза, и с придыханием застонала: — Он... он та-а-а-кой кра-а-а-савчик!

— О да, ты даже не представляешь какой, — угрюмо пробормотала я, тщетно пытаясь понять, где она увидела красоту в этом человекоподобном монстре. И поспешила откреститься от жуткого предположения, внутренне мертвея от одной лишь подобной мысли: — Да шучу я... Никакой он мне не парень! Я его терпеть не могу. Кристоф просто... — неожиданно для самой себя я запнулась, пораженная фактом, что за столько лет так и не узнала, кто он. — Знакомый моих родителей... — после долгой паузы с трудом нашлась я.

Как бы хотелось, чтобы все было так просто.

— Так его зовут Кристоф? — обрадовалась наша наивная Дашка и этому минимуму информации. На ее хорошеньком кукольном личике появилось мечтательное выражение, и она промурлыкала: — Такое необычное имя!

— Да, необычное, — согласилась я с ней автоматически, удивленная ее зачарованным взглядом: забыв о нас, она уставилась в окно... Но я и подумать не могла, насколько необычным был сам обладатель имени.

И чего это будет стоить Дашке.

* * *

О нем говорили весь следующий месяц. Спрашивали, недоверчиво поджимая губы, просили познакомиться. Я отшучивалась, отмалчивалась, переводила разговор в другое русло — оберегала их как могла.

Было странно, что тот, кого они видели всего раз, да и то при самых обескураживающих обстоятельствах, настолько их заинтересовал. Но возможно, я в глубине души и понимала, как ему это удалось... но боялась признаться даже самой себе.

Но как бы мне ни хотелось, чтобы все забыли о его существовании, — чего бы я не отдала, лишь бы провести хоть день, не вспоминая о нем! — Кристоф снова прошелся по моей жизни так, как ему было угодно.

... Я была уже в вестибюле. Занятия окончились, и шумная толпа понемногу выплескивалась из лица. Ожидая, пока пробка в дверях рассосется, я отошла к окну, и мой скучающий взгляд сразу же зацепился за знакомую фигуру, возвышавшуюся над окружающими почти на голову.

Как обычно, отстраненно-холодный, почти пугающий, он был окружен аурой чужого любопытства. Наши девочки, все как одна застыв, замороженно глядели на него — через плечо, в упор, исподтишка и даже с при-

открытым ртом. В их глазах светилось неоновым необъяснимое восхищение: красив, безумно красив!..

А он смотрел прямо на меня. И я, невзирая на расстояние, ощущала его лишь в шаге, склонившимся и привычно вонзившим свой острый взгляд мне в самую душу.

Захваченная врасплох, я замерла, пытаюсь соединить два несовместимых мира: маленький темный мир моей комнаты, который подчинен ему, и мир снаружи, за стенами, огромный и полный света. Мое убежище, куда вход для него воспрещен!.. До сего момента я была почти уверена в этом.

Внутри все похолодело: неужели теперь?..

Не чувствуя тела, я вышла из лица и направилась к Кристофу.

Он наблюдал за моим приближением безотрывно и, казалось, даже не моргая. Машина, на которую он небрежно облокотился, была кричаще-желтой. Цвет настолько дисгармонировал с изысканной, рафинированной, но в то же время отталкивающей внешностью Кристофа, что это, как ни странно, помогло мне собрать смелость в кулак для атаки.

— Что ты здесь делаешь?! — я снова ощутила пылающую ярость, несмотря на весь ужас перед ним. Неужели я никогда не найду уголка, где смогу хотя бы недолго побыть без напоминания о моем мучителе? Неужели теперь я должна ожидать встречи с ним в любой момент и в любом месте?

Он даже не пошевелился, игнорируя мою злость. Посмотрел сверху вниз, а потом на здание лица.

— Что ты тут делаешь? — процедила я сквозь зубы тише, изо всех сил пытаюсь держать себя в руках, понимая, что на нас и так обращают слишком много внимания.

— Жду, — соизволил он ответить невозмутимо. — Просто жду.

— Я запрещаю тебе ждать, Кристоф! — с неожиданным для самой себя напором заявила я. — Только не здесь, так близко от меня!

Он склонился ко мне быстрым, почти неуловимым движением — и я отшатнулась в страхе, ожидая кары за свои резкие слова. Но угроза в его взгляде вдруг сменилась вполне человеческой насмешкой, и я впервые разглядела зеленый цвет его глаз, необычных, переменчивых — темневших или светлевших в зависимости от его настроения.

— Ты не можешь мне что-либо запрещать, — ровно, даже безразлично произнес Кристоф. Но тут же угроза вернулась: — Советую хорошо запомнить!

Отчаянно сопротивляясь желанию бежать, я надменно спросила:

— Это предупреждение?

Но уголки его губ шевельнулись, будто он был доволен моим вопросом:

— Это факт.

Он вновь посмотрел в сторону лица, и я, проследив его взгляд, увидела, как из дверей выпорхнула — а иначе ее летящую походку и не назовешь — Дашка. Она заметила меня рядом с Кристофом, и на краткий миг на ее хорошеньком личике отразилось раздражение, которое, однако, растворилось, как только она рассмотрела мои нахмуренные брови, закушенные в злости губы и стиснутые кулаки.

— Привет, Кристоф, — пропела она.

Он улыбнулся в ответ. Немного натянуто, но улыбка вообще не была для него чем-то привычным. По крайней мере я улыбающимся его никогда прежде не видела.

— Ты его знаешь? — я намеренно говорила о Кристофе как об отсутствующем, желая хоть чем-то уязвить.

— Да, недавно познакомились, — Дашка лукаво взглянула на него, явно гордая леденящим кровью фактом.

Но Кристоф даже не повернул к ней головы в ответ. И казалось, меня, положив на предметное стекло, разглядывают в микроскоп при максимальном увеличении...

Что же за игру он ведет?

А что это была именно игра, я чужая нутром.

— Ну что, поехали? — нервно спросила Дашка, которой почудилось, что мы слишком долго смотрим друг на друга. Впрочем, так и было.

— Да, поехали. — Наконец его глаза оторвались от моего лица.

Я, будто в замедленной съемке, увидела, как он обнимает Дашку за талию. Каждый волосок на моей коже поднялся дыбом, стоило мне представить его прикосновение. Как же ей не противно?!

— Диана, тебя подвезти?

Я ослышалась? Он никогда раньше не называл меня по имени, всегда только сухое: «Снегова». Наверное, поэтому мое имя так странно прозвучало. Да и вопрос... и сама ситуация... все это...

Дашка была не в восторге.

Я смотрела на ее умирающую улыбку. Рядом с огромным нечеловечески-холодным Кристофом ее тонкая фигурка потерялась, исчезла, растворилась... Неожиданно мне стало страшно. За Дашку.

И чтобы не успеть отказаться, я быстро ответила:

— С удовольствием, только позвоню домой — отошлю обратно машину, — онемевшие губы слушались с трудом.

Как и следовало ожидать, Кристоф сел за руль, а Дашка — рядом с ним. С заднего сиденья я всю дорогу наблюдала, как ее рука собственнически поглаживает его волосы... а он терпит. Именно терпит.

Он подвез ее прямо под окна дома, совершенно не опасаясь показаться на глаза домочадцам. Вышел из машины, открыл дверцу и подал ей руку точным, заученно-механическим движением. Дашка покраснела в ответ. Поднялась с сиденья...

А потом он ее поцеловал — неожиданно для Дашки. Но еще больше — для меня.

И он старался!

Перехватив поудобнее, развернул ее так, чтобы мне было видно все, в подробностях. Властно захватил ее рот, неторопливо пошарил по телу без стыда. Этому